

Введенский А. И. Славянофильская формула. [Заметка на: *Киреев А. А.* Наши противники и наши союзники: Речь, произнесенная в собрании Славянского Благотворительного Общества в конце 1893 г.; Спор с западниками настоящей минуты // Русское Обозрение, 1895] // Богословский вестник 1895. Т. 4. № 12. С. 400–408 (2-я пагин.).

СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ФОРМУЛА.

А. А. Кирѣевъ: «Наши противники и наши союзники» (Рѣчь произнесенная въ собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества въ концѣ 1893 г.).

Его-же: „Споръ съ западниками настоящей минуты» (Русское Обозрѣніе, 1895 г.).

Жизнь точно такъ-же, какъ и наука, время отъ времени подводитъ итоги своимъ приобретѣніямъ и выражаетъ ихъ въ опредѣленныхъ формулахъ. Формулы въ жизни имѣютъ даже еще большее значеніе, чѣмъ въ наукѣ: онѣ являются здѣсь знаменемъ, которое собираетъ вокругъ себя единомышленниковъ и сосредоточиваетъ ихъ силы и дѣятельность въ одномъ направленіи. Но за то, съ другой стороны, и установка этихъ жизненныхъ формулъ и даже самое ихъ существованіе сопряжено съ гораздо большими трудностями, чѣмъ установка формулъ научныхъ: онѣ чаще подвергаются перетолкованіямъ, ихъ значеніе нерѣдко принижается, — какъ-бы вывѣтривается, и даже иногда опошляется. Вотъ почему время отъ времени ихъ необходимо пересматривать, возобновлять ихъ подлинный смыслъ и углублять ихъ значеніе.

Такую именно услугу генералъ А. А. Кирѣевъ оказалъ недавно извѣстной славянофильской формулѣ: „Православіе, Самодержавіе и Народность“. Въ своихъ трудахъ, главѣ которыхъ нами выписано выше, онъ разъясняетъ эту формулу, въ виду перетолкованій и нападеній на нее со стороны нѣкоторыхъ представителей современнаго западничества (кн. С. Н. *Трубецкаго*, П. Н. *Миллюкова* и др.). Спокойно, ясно, вдумчиво онъ разъясняетъ каждый терминъ

этой формулы и снова возстановляетъ ея подлинный глубокой смыслъ.

Православіе! Ему, его идеѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ первенствующее значеніе въ славянофильскихъ воззрѣніяхъ. Но гдѣ оно, — спрашиваютъ критики славянофильской формулы, — гдѣ оно „безъ реальной вселенской іерархіи“? Этотъ вопросъ, — разъясняетъ нашъ авторъ, — возможенъ лишь потому, что предлагающіе его „не видятъ, изъ-за нашей и изъ-за другихъ православныхъ автокефальныхъ церквей Востока, *весьма реально существующую вселенскую Церковь*. Они, какъ говорятъ нѣмцы, изъ за деревьевъ лѣса не видятъ. Эта вселенская Церковь основана самимъ Христомъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ автокефальныхъ частей, имѣетъ свою весьма реально существующую іерархію, признаетъ юрисдикцію вселенскихъ соборовъ, блюдущихъ ея православность, и не нуждается ни въ какомъ римскомъ Вице-Богѣ!... Религіозный идеалъ славянофиловъ есть ученіе и жизнь древней вселенской Церкви: все, что происходитъ въ дѣйствительности, измѣняется этою высшею мѣркою и то, что оказывается ей не соотвѣтствующимъ признается неправильнымъ и подвергается критикѣ, чѣмъ, впрочемъ, занимаются не одни славянофилы: всякій добросовѣстный изслѣдователь, будь онъ славянофилъ или западникъ, духовный или мірянинъ, дѣлаетъ (во имя этого идеала) тоже самое, — конечно, если ему дорога правда“ („Речь“, стр. 12). Не смотря на внѣшнюю разъединенность автокефальныхъ православныхъ церквей, ихъ внутреннее единство остается. „*Безусловная истинность нашего догматическаго ученія непоколеблена* ни въ одной изъ православныхъ автокефальныхъ церквей и, въ основаніи своемъ, это ученіе столь-же истинно, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ. Мы знаемъ, что „врата адовы“ Церкви Христовой не одоляютъ; знаемъ, что у насъ есть крѣпкій якорь спасенія, знаемъ, гдѣ намъ искать опоры и поученія во всѣхъ нашихъ сомнѣніяхъ, недомыслияхъ и нравственныхъ обморокахъ, которые такъ часто слѣдуютъ у насъ за самымъ высокимъ подъемомъ духа“. Намъ незачѣмъ, поэтому, идти для разрѣшенія своихъ вопросовъ и недоумѣній, какъ совѣтуютъ нѣкоторые (Вл. Соловьевъ), на западъ, — къ гордому и коварному Риму. Если бы даже

въ голосѣ древней Вселенской Церкви мы не нашли на тѣ или другіе, вновь возникающіе, вопросы яснаго отвѣта, то у насъ есть и еще одно средство. „Церковь наша, —убѣжденно восклицаетъ авторъ, —*можетъ* найти, *должна* найти, и Богъ дастъ *найдетъ* въ насъ, въ себѣ самой средства для борьбы съ своими недугами! Для исцѣленія главнѣйшаго недуга нашей Церкви, —ея разрозненности и обособленія ея составныхъ частей, для возстановленія ея древней гармонической жизни, — у насъ есть вѣрное средство: это созывъ вселенскаго собора“. Справедливо отклоняя отъ себя ближайшее обсужденіе этого, подлежащаго лишь рѣшенію высшей церковной власти, вопроса, авторъ ограничивается только указаніемъ на верховное и непререкаемое значеніе этой „высшей инстанціи“ въ вопросахъ вѣры для всего православнаго Христіанства и даже для всего Христіанскаго міра вообще („Споръ съ западниками“, стр. 217 и сл.).

Служа высшимъ, безусловно и неизмѣнно истиннымъ, „нормирующимъ всю нашу мысль и жизнь принципомъ“, Православіе, по убѣженію славянофиловъ и ихъ представителя и защитника, А. А. Кирѣева, налагаетъ на насъ, даже и въ отношеніи къ Западу, опредѣленную „миссію“. Западъ несомнѣнно выше насъ по своей научной и технической культурѣ и, однако, мы и только мы можемъ „указать шатающемуся западу всецѣло сохраненную нами догматическую вселенскую истину, во всей ея древней простотѣ, во всемъ ея древнемъ величіи“ (228), —ту истину, которую западъ уже давно утратилъ. Не только католики, но и другіе западные христіане, постепенно отдѣлявшіеся отъ папы и внѣшними обстоятельствами отдѣленные отъ православнаго Востока, лишены вѣрнаго критерія для оцѣнки истинности религіозныхъ ученій и, какъ то обыкновенно бываетъ при религіозныхъ протестахъ, сами впали въ крайность противоположную той, съ которою должны были бороться. Они возставали противъ преувеличеннаго, незаконнаго *авторитета* и впадали въ преувеличенную *свободу*. Помочь западу снова найти этотъ религіозный критерій, помочь ему возвратиться къ *его-же бывшему, западному* православію, — вотъ въ чемъ заключается святой и великій „мессіаниззмъ“ православной Россіи въ отношеніи къ За-

паду! Когда Западныя церкви освободятся отъ своихъ ересей, онѣ ео ipso сдѣлаются православными, а тогда нашимъ Восточнымъ церквамъ останется лишь, провѣривъ и константировавъ этотъ фактъ, „занести его въ протоколъ вселенскаго собора“ (230). Посредствующимъ звеномъ въ данномъ отношеніи между нами и западомъ, — нашимъ помощникомъ и сотрудникомъ въ выполнении нашей религіозной „миссіи“ на западъ, — могутъ и должны быть, по мнѣнію автора, старокатолики. Онѣ давно связываетъ со старокатолицизмомъ эти свои надежды на воссоединеніе съ нами Церквей Запада и здѣсь, въ этихъ своихъ новыхъ трудахъ, даетъ, главнымъ образомъ для свѣтскихъ читателей, общее понятіе о старокатолицизмѣ и его возможномъ и желательномъ значеніи въ рѣшеніи вопроса о соединеніи Церквей. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, предъ собою взглядъ, опредѣленно выработанный, идею глубокую и убѣжденіе стойкое. Это отражается и на тонѣ автора, — спокойномъ, чуждомъ всякихъ полемическихъ увлеченій, столь обычныхъ въ трудахъ имѣющихъ специально - полемическую задачу. „Церквамъ запада предстоитъ слѣдующее дилемма: или онѣ возвратятся къ древней вселенской истинѣ, или онѣ будутъ заперты государствомъ“ (235). Этотъ основной тезисъ автора, не смотря на сравнительную краткость посвященной ему части монографіи, мотивированъ имъ совершенно достаточно и убѣдительно.

Исповѣдуя свою непоколебимую вѣру въ Православіе, какъ верховный, руководящій и нормирующій идеаль мысли и жизни, славянофильство, какъ извѣстно, всегда выступало вмѣстѣ съ тѣмъ горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ Самодержавія. Самодержавіе, „точно освѣдомленное о стремленіяхъ, о матеріальныхъ и нравственныхъ потребностяхъ народа, неуклонно ведущее ввѣренный ему народъ къ его идеаламъ, само твердо вѣрящее въ нихъ и имъ преданное“ (*Речь*, 7), — такое Самодержавіе всегда представлялось славянофиламъ лучшею изъ всѣхъ возможныхъ формъ правленія, ихъ *политическимъ идеаломъ*. Авторъ, который, какъ истый славянофилъ, является горячимъ и убѣжденнымъ исповѣдникомъ этого политическаго идеала, выражаетъ его въ очень мѣткой формулѣ: „одна воля и много умовъ“ (въ противоположность формулѣ западной,

„конституціонно-парламентарной“, по которой: „*много воли и много умовъ*“) и съ замѣчательною отчетливостію вскрываетъ религіозно-этическія основы этого идеала. Идеаль „единой высшей воли, ни отъ кого независимой и ни предъ кѣмъ неотвѣтственной, *кромя своей совѣсти и Бога*“, незлыблемо и твердо покоится на двойномъ основаніи совѣсти и вѣры. „При вступленіи на прародительскій престолъ и при вѣнчаніи на царство, государи наши всенародно исповѣдуютъ свою православную вѣру, чѣмъ знаменуется неразрывная органическая связь государства съ Церковію,—связь, которая превращаетъ „Государство Россійское“ въ „Святую Русь“ и которая, вмѣстѣ съ симъ, даетъ нашему отечеству *этическое* основаніе, чѣмъ оно принципиально отличается отъ государства западнаго, парламентарнодоговорнаго, имѣющаго основаніе *юридическое*“ („Споръ съ западниками“, 241). При такихъ основахъ нашего политическаго строя, „никакихъ бумажныхъ конституцій“ намъ не нужно! Въ насъ, въ насъ самихъ должна быть гарантія нашего государственнаго благоустройства: мы должны вѣрить въ свои собственныя *нравственныя* силы, въ свою *нравственную* внутреннюю крѣпость. Въ этомъ и только въ этомъ—залогъ будущаго преуспѣянія нашего дорогаго отечества. Сильное, вѣрное своимъ идеаламъ общество не нуждается ни въ какихъ хартіяхъ и укладахъ, ни въ какихъ парламентахъ. Эти внѣшнія юридическія гарантіи общества не спасутъ, безъ болѣе глубокихъ этическихъ и религіозныхъ началъ жизни, какъ это наглядно показываетъ политическая исторія Запада, быстро идущая по уклону отъ парламентаризма къ анархизму. Правовыя отношенія, конечно,—очень важный и необходимый моментъ въ жизни политической, но не въ нихъ центръ тяжести. „Я весьма далекъ отъ мысли,—говоритъ авторъ („Споръ“, стр. 251),—отвергать высокое значеніе права: чужое право есть вещь священная и попираетъ его преступно. Если на Западѣ придають ему слишкомъ высокое значеніе, то у насъ, быть можетъ, ему отведено значеніе слишкомъ малое. Это выражается у насъ и въ безобразныхъ иногда вердиктахъ (въ особенности оправдательныхъ) нашихъ присяжнымъ. Но,—повторяю,—не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что при парламентскомъ строѣ право замѣняетъ этику; что

оно становится на его мѣсто: все, съ чѣмъ согласилось большинство, все, что оно одобрило и приняло, дѣлается не только закономъ, но и справедливымъ, хорошимъ, нравственнымъ. Формальная, человѣческая правда (законъ юридическій) болѣе и болѣе затемняетъ правду Божию (нравственность),—именно ту высшую правду, которая такъ дорога русскому народу, *народу не юридическому, а этическому*“ (эта особенность нашего народа выражается яснѣе всего въ его литературѣ: это „главная струна могучаго таланта Достоевскаго“, хотя она звучитъ и у другихъ нашихъ писателей, напримѣръ, Островскаго, Толстаго, даже— въ его „Власти тьмы“).

Таковы основы нашего политическаго идеала. И здѣсь и въ этомъ отношеніи т. е. въ сферѣ политической, точно такъ же какъ и въ сферѣ религіозной, по убѣжденію А. А. Кирѣева, для русскаго народа возможенъ „мессіаниззмъ“ на Западѣ. Политическая исторія Запада, особенно въ послѣднее время, какъ извѣстно, слишкомъ тревожна и подозрительна. Западъ начинаетъ скептически задумываться надъ своею судьбою и демокритическій парламентаризмъ, который еще такъ недавно считался панацеей отъ всякихъ политическихъ золъ, теперь пользуется уже далеко не прежнею репутаціею. „Я не утверждаю, — такъ резюмируетъ свои взгляды на этотъ вопросъ нашъ авторъ („Споръ“, стр. 252—3), — что западное общество обречено на гибель; но если ему суждено спастись, то оно спасется лишь замѣнивъ свои идеалы нашими“!...

Мы не станемъ слѣдить за авторомъ въ его разъясненіи третьяго термина славянофильской формулы, — понятія *народности*. Какъ извѣстно, вопросъ этотъ, особенно въ послѣднее время, слишкомъ осложненъ. Принципіальныя точки зрѣнія здѣсь перемѣшиваются съ временными и историческими. Распутывать всѣ перекрестныя сужденія по этому вопросу, конечно, не мѣсто въ краткой библиографической замѣткѣ. Быть можетъ, почтенный авторъ увлеченъ идеею внѣшняго объединенія славянства иѣскольکو больше, чѣмъ позволяютъ особенно событія послѣдняго времени; быть можетъ такъ же, его пониманіе нашихъ нравственныхъ обязательствъ къ нашимъ зарубежнымъ соплеменникамъ инымъ покажется слишкомъ отвлеченнымъ и

суровымъ си не у всѣхъ найдете откликъ. Но, во всякомъ случаѣ, его основная точка зрѣнія и на этотъ вопросъ ясна и глубоко правдива. „Никакого объединенія, никакого даже прочнаго сближенія славянъ, — говоритъ онъ („Рѣчь“, 21) — не можетъ совершиться *безъ единенія духовнаго*. Прочное объединеніе внѣшнее, какъ бы оно ни выразилось, должно быть результатомъ объединенія внутренняго. „Вѣра, — подкрѣпляетъ авторъ свою мысль словами И. С. Аксакова; — выше народности: она даетъ ей суть“ ... Да, это вѣрно! Славянина дѣлають славяниномъ, конечно не *обще*-племенные черты, но *лучшія* черты славянскаго племени, точно также, какъ подъ „человѣкомъ“ мы разумѣетъ не того, кто вмѣщаетъ общія свойства человѣка, со всѣми его слабостями и недостатками, но свойства *лучшія*, идеальныя. Достаточно-ли твердо, однако, выдержана у автора эта точка зрѣнія? Во всякомъ случаѣ къ славянамъ, утратившимъ духовный славянскій обликъ, нашъ „мессіаниззмъ“, долженъ проявляться уже не въ формѣ стремленія къ сплоченію съ ними, а въ иной, — быть можетъ, болѣе трудной и сложной...

Полемика автора съ противниками славянофильства (ея мы намѣренно не касались, — вслѣдствіе сложности и детальности затрогиваемыхъ вопросовъ) столь-же основательна по своей постановкѣ, сколько благородна по своимъ приѣмамъ и умѣренна. Новѣйшіе противники славянофильства ставятъ ему въ вину главнымъ образомъ то, что оно будто бы относится отрицательно къ культурѣ и идеаламъ Запада и не хочетъ мириться съ ними. А. А. Кирѣевъ справедливо возражаетъ на это, что *отчасти* такое примиреніе (по скольку славянофильскіе и западническіе идеалы, какъ, на прим., православіе и папизмъ, монархизмъ и парламентаризмъ исключаютъ другъ друга), по самому существу дѣла, является неразрѣшимою задачею; *отчасти*-же это требованіе излишне, такъ какъ оно уже выполнено или, по крайней мѣрѣ, славянофилами никогда не выставлялось какихъ-либо принципиальныхъ препятствій для его выполненія. Позволимъ себѣ здѣсь для выясненія отношенія автора къ этому вопросу, равно какъ и вообще для характеристики его точки зрѣнія, сдѣлать двѣ характерныхъ выдержки.

„О какой культурѣ говорить,—спрашиваетъ авторъ („Рѣчь“, стр. 13—14),—когда называютъ славянофиловъ врагами западной культуры? Культура Шопенгауера, Спенсера, Ог. Конта, Золя и Оффенбаха одна. Культура Канта, Гете, Бетховена—другая. Съ первой мы имѣемъ очень мало общаго, со второй очень много. Правда, мы не вѣримъ въ прочность и правдивость тѣхъ политическихъ формъ, того строя, который выработался на Западѣ и который начинаетъ разрушаться и уступать мѣсто еще гораздо менѣе надежному; мы не вѣримъ и въ современные философскія и культурныя теченія западной мысли; думаемъ, что ни пессимизмъ, ни позитивизмъ не могутъ послужить основаніемъ общественной жизни; но развѣ вся культура запада выражается и исчерпывается именно ея современными представителями? Конечно, этого наши критики не признаютъ. Мы, подобно нашимъ предшественникамъ, не находимъ въ нашихъ философскихъ и религиозныхъ основахъ ни повода, ни запрета изучать великихъ западныхъ мыслителей, наслаждаться бессмертными произведениями западныхъ художниковъ, и признавать ихъ несомнѣнное величіе. Гнилы, по нашему мнѣнію, *этические* устои запада -- пессимизмъ и позитивизмъ; гнилы и его устои *религиозныя*—римско-католическій инфантилизмъ и лютеранское прогрессирующее сектанство“...

„Западная культура,—говоритъ авторъ въ разъясненіе того-же вопроса въ другомъ мѣстѣ,—не однородна, а двойственна, основана на диаметрально противоположныхъ принципахъ, находящихся въ непримиримой борьбѣ. Какъ же мы примиримся съ принципами, другъ друга исключаящими?.. Есть, конечно, западныя философскія *школы*, но западной *философiи* не существуетъ. Точно такъ же нельзя примирить западнаго материалиста съ идеалистомъ, какъ нельзя примирить католика съ протестантомъ... Русская философская мысль стремится къ созданію такой философiи, которая удовлетворяла-бы не одни требованія ума (раціонализмъ), но примирила-бы неѣ стремленія души, удовлетворила-бы всеѣ ея потребности. Русская философская мысль, ставящая *себѣ этическія задачи преимущественно предъ діалектическими*, несомнѣнно стремится къ созвучію между разумомъ и чистою духовностію чувства... Мы склонны сочувствовать тѣмъ философскимъ системамъ, которыя не идутъ въ разрѣзъ съ данными религіи, которыя, хотя-бы въ видѣ постулатовъ, признаютъ тѣже истины, которыя служатъ основаніемъ и религіи или, вѣрнѣе, которыя даетъ религія. Насъ, да и вообще русскихъ, привлекаетъ преимущественно та часть философiи, которая ближе всего соприкасается съ религіею,—именно этика. Поэтому мы и предпочитаемъ, наприм., Канта Конту („Споръ съ западниками“, 270—3, passim)...

По нашему мнѣнію, эти взгляды не только теоретически вѣрны, но могли-бы быть и практически весьма плодотворны, такъ что является двоякій мотивъ пожелать, чтобы они нашли возможно широкое распространеніе и въ славянофильскихъ кружкахъ.

Недавно, на одномъ военномъ праздникѣ, германскій императоръ въ своей рѣчи къ арміи между прочимъ сказалъ: „желаю, чтобы и впредь оставались три столпа арміи: чувство чести, безусловное повиновеніе и самоотверженная храбрость“ (годовщина битвы подъ *Ле-Бурже*, 31 — 19 октября). Это—очень характерныя слова: *честь, повиновеніе, храбрость*,—вотъ чѣмъ долженъ воодушевляться нѣмецкій солдатъ! Сравните эту формулу съ извѣстнымъ девизомъ русскаго воина (являющимся лишь иною формою, инымъ выраженіемъ славянофильской формулы): „*за вѣру, царя и отечество*“ и—вы непосредственно и живо почувствуете неизмѣримое превосходство этой послѣдней. Мы не говоримъ уже о такихъ формулахъ, какъ пресловутая французская формула: „свобода, братство, равенство“... Отсюда видно, что есть достаточно мотивовъ дорожить славянофильскою формулою и вотъ почему нельзя не радоваться, что въ лицѣ генерала Кирѣева она нашла достойнаго,—убѣжденнаго, стойкаго и разсудительнаго,—защитника. Мы позволимъ лишь себѣ въ заключеніе высказать пожеланіе, чтобы друзья славянофильства не ограничивались обоснованіемъ и разъясненіемъ непосредственныхъ терминовъ формулы, но намѣчали съ славянофильской точки зрѣнія и частныя задачи по тѣмъ или другимъ вопросамъ и сторонамъ мысли и жизни: когда теорема установлена, необходимо выводить изъ нея слѣдствія. Этимъ будетъ доказана не только ея истинность, но плодотворность.

Алексѣй Введенскій.
